

— Золото!

Ниденага просиял. Он провел ладонью по крышке сундука, с важным видом прицениваясь к весу, и принялся доставать монеты по одной. Из кармана он извлек лоскут яркого шелка и начал бережно протирать свои сокровища.

— Одна монета, две монеты...

Глаза Фу Лина тоже загорелись. Он с разбегу запрыгнул на кровать; дорогой матрас спружинил, и стопка золотых монет рассыпалась, весело раскатившись вокруг него.

Юноша подхватил одну, выдохнул на неё и старательно потер краем футболки. Драгоценный металл отозвался ослепительным блеском.

Ошеломленный, он заглянул в сундук и запустил туда руку — дна не было видно.

— Обалдеть! Нид! Нид!

Маленький принц в восторге забарабанил по плечу Ниденаги, переводя взгляд с сундука на друга. От волнения его язык заплетался.

— Зо... золото! Золотые монеты! Сколько же ты их притащил?!

— И это всё твоё? Так много! — Фу Лин встряхнул спутника за плечи, не в силах унять. — Где ты их прятал раньше?

Вдруг какая-то мысль заставила его замереть.

— Ты ведь не... ты ведь не спал на них прямо под кроватью?!

Дракон, поглощенный процессом, не отрывался от дела. Он питал особую слабость к этим монетам — теперь, когда их заботливо отчистили от вековой грязи, они сияли просто невероятно.

Действуя быстро и ловко, он протирал каждую и складывал их рядом с собой в аккуратную сверкающую горку.

— Прятал под кроватью. Мне нравится, — коротко бросил он и, заметив возбуждение друга, немного подвинулся, освобождая место на матрасе. Он кивнул на россыпь чеканки, и в его

чистом золотистом взгляде читалось приглашение: — Давай вместе.

Драконы обожали золото. Все без исключения.

Фу Лину это безумно нравилось. Изображение свирепого западного дракона на реверсе казалось ему верхом совершенства, а от сияния благородного металла приятно резало глаза.

Он тут же приободрился, перехватил шелковый лоскут и принялся за работу, не забывая ворчать на беспечность товарища:

— И тебе совсем не страшно, что их украдут? Держать столько ценностей в общежитии на виду у всех — это же чертовски опасно!

— Но ты не волнуйся, я не позволю случиться такой низости. Я куплю тебе кодовый замок... нет, лучше сейф! Мы всё это запрём.

Ниденага опустил голову и небрежно дунул на монету. Он подбросил её в воздух и поймал; в лучах света золото вспыхнуло особенным, магическим огнем.

В его глазах на мгновение отразились призрачные, мрачные тени прошлого.

— Не украдут, — отчеканил он. — На них магия. Я могу призвать их обратно.

— И проклятие злого дракона, — добавил он серьезно. — Того, кто украдет, ждет расплата.

— Вечно ты в это веришь... — пробормотал Фу Лин.

Тем не менее, юноша с удвоенной силой принялся натирать монеты, выстраивая их в ровные столбики.

Закончив, два дракона растянулись на кровати, пересчитывая добычу.

— Тысяча... тысяча десять... тысяча двадцать... — Сяо Лин пересчитал несколько раз, но каждый раз выходило не больше тысячи двухсот.

Он вопросительно глянул на Ниденагу и, получив утвердительный кивок, победно вскрикнул. Юноша повалился на спину; матрас под ним тяжело колыхнулся.

— Устал! — выдохнул он. Кто бы мог подумать, что однажды он натрудит плечи, считая золото.

Какое счастье!

Фу Лин буквально светился от восторга. Уголки его губ сами собой ползли вверх, а вся его аура лучилась искренней радостью.

Он лежал на спине, волосы в беспорядке рассыпались по подушке. Обычно холодный и отстраненный взгляд его глаз сейчас смягчился, придавая лицу нежное выражение.

— Столько золота, у-у-у... — Фу Лин уткнулся лицом в одеяло, издавая приглушенные восторженные возгласы.

От избытка чувств он заболтал ногами в воздухе и перевернулся, буквально зарываясь лицом в монеты. С каждым вдохом он ощущал их запах.

Запах тяжелого металла.

Юноша вдохнул поглубже и внезапно закашлялся, ощутив привкус меди и патины. Он резко сел, пытаясь отдышаться.

Его глаза чуть покраснели, кончик носа забавно порозовел. Внезапно осознав нечто важное, он уставился на друга, округлив глаза:

— погоди... То есть все эти дни ты действительно спал на куче металла?!

Фу Лин издал панический возглас и вцепился в плечи Ниденаги, принимаясь его трясти:

— Ты же отравишься! Это же тяжелые металлы! От этого умирают!

— Срочно нужно в больницу, провериться! Ты правда можешь погибнуть!

Ниденага, всё еще пребывающий в «золотой эйфории», лишь безвольно раскачивался в руках друга. Он поднял голову и растерянно моргнул, глядя на встревоженного Сяо Лина:

— Умирают?

— Да! Если уровень металлов в крови зашкаливает — это яд! — Фу Лин энергично закивал, но тут же осекся и пробормотал себе под нос: — Обалдеть... Отравиться, потому что спал на золоте. Какая роскошная болезнь.

Даже завидно.

Пока он ворчал, Ниденага пытался осознать ситуацию. Его золотистые глаза по привычке косились на сундук.

— Умирают только люди, — наконец выдавил он.

Разве может дракон отравиться золотом? Никогда. Золото — лучшая постель для его рода.

Ниденага довольно зажмурился и потянулся к очередной горсти монет, но Фу Лин снова решительно встряхнул его за плечи.

— А ну приди в себя!

Юноша, глядя на него как на непутевого ребенка, начал быстро сгребать золото обратно в сундук. Монеты с мелодичным звоном — звуком чистых денег — падали на дно.

Ниденагу отчитали по полной программе, но он лишь наслаждался этим перезвоном.

Кажется, он и впрямь был болен. Неизлечимой болезнью, при которой ноги сами несут тебя к золоту. Стоило ему на день лишиться этого зрелища, как в груди начинало зудеть от нетерпения. Ради еще одного взгляда на свои сокровища он был готов на что угодно.

Видя, что спутник неисправим, Фу Лин заботливо отыскал замок и запер сундук, после чего задвинул его глубоко под свою кровать. Для верности он заставил проход чемоданом и только тогда с облегчением присел рядом.

— Ладно, ладно... Вроде бы только ремонтная бригада видела, что там внутри, — он вытащил телефон, намереваясь немедленно заказать самый надежный сейф.

Ниденага непонимающе склонил голову:

— Ремонтная бригада?

Фу Лин скривился:

— А кто, по-твоему, превратил нашу комнату в это?

— Мой отец, конечно, человек дрянной, но денег у него полно, на твоё золото он не позарится. Да и рабочие его вряд ли посмеют хозяйничать.

При упоминании господина Фу лицо маленького принца помрачнело, а в голосе прорезались холодные нотки.

Их отношения всегда были натянутыми. С одной стороны — вечно занятой отец с манией контроля, с другой — колючий подросток в разгаре бунта.

Ниденага приподнялся на локтях. Ткань его футболки натянулась на плечах, подчеркивая силу и рельеф мышц. Черные волосы упали на лоб. Он придвинулся ближе и ласково, словно ища утешения, потерся макушкой о плечо друга.

Юноше стало щекотно, и он невольно фыркнул, пытаясь отстраниться:

— Перестань, щекотно же!

Ниденага, словно большой преданный пес, проигнорировал протест, продолжая ластиться, пока хмурые мысли Сяо Лина не рассеялись.

Он обхватил друга за талию и положил руку ему на плечо — жест защиты и поддержки.

— Не грусти. Не надо.

Ниденага тихо заговорил, слегка поглаживая голову Фу Лина:

— Можно и без папы. Мой отец каждый день заставлял меня грызть деревья. А если я не хотел — бил. Потом я его прогнал и стал сам грызть деревья, когда захочу.

— ...И чем ты тут хвастаешься? — Фу Лин не удержался от шпильки. Разве смысл не в том, чтобы прогнать тирана и делать что вздумается? Зачем продолжать грызть деревья?!

Впрочем, он видел, что за напускной скромностью Ниденаги скрывается гордость своим «подвигом».

Маленький принц, чья семейная жизнь тоже была далека от идеала, мягко погладил его по волосам, успокаивая:

— Молодец, молодец. Только у нас деревья грызть не принято. Будешь только учиться.

Ниденага добавил:

— И есть вкусное.

— Угу, и есть вкусное.

«My mother's child is a savage,

She looks for her omens in the colors of stones,

In the faces of cats, in the falling of feathers,

In the dancing of fire,

In the curve of old bones»

Сумерки опускались на город, словно звездный занавес. Багряное закатное солнце заливало небо цветом запекшейся крови. Ведьма в зеленом платье, с копной огненно-рыжих волос, была увешана самоцветами. На её лбу сиял прозрачный кристалл, придавая ей сходство с лесным эльфом.

Она прислонилась к большому барабану и мерно ударяла по нему ладонями. Свободная и неистовая, в ярком топе в стиле бохо, она не скрывала своей дерзкой натуры. Её длинная, широкая юбка, сшитая будто из лоскутов, живописно укрывала колени.

Она била в барабан, и под этот тяжелый, рокочущий ритм разносился её хриплый, торжествующий голос:

«I am my mother's savage daughter.

The one who runs barefoot,

Cursing sharp stones,

I am my mother's savage daughter,

I will not cut my hair,

I will not lower my voice»

В огромном костре бушевало пламя. На сцене приветственного вечера ведьма в зеленом пела, забыв обо всем.

Толпа внизу была лишь фоном. Она видела лишь огонь и звезды, воспевая в своих балладах и

острые камни, и холодную бездну неба.

Студенты заворожено смотрели на сцену. В их глазах отражались языки пламени; казалось, огонь выжигает само пространство, а над головами в безумном танце вращаются галактики.

Дерзкая и неукротимая Блэр.

Рыжеволосая королева лесов — Блэр.

Она пела во весь голос, и на этой чужой земле её песня звучала как ржание дикой кобылицы. Крепкая и статная, как горная орлица, она притягивала взгляды своей первобытной силой. Её хриплый вокал обжигал, словно пламя.

«...We are our mother's savage daughters».

Мы — дочери ведьм, которых вы не смогли сжечь.

Блэр слегка изогнула губы в улыбке. Её опасный взгляд скользнул по толпе и замер, безошибочно выбрав цель.

Драгоценный маленький принц драконьего рода, Фу Лин.

И Ниденага — дракон разрушения.

<http://bllate.org/book/15864/1437544>